

Стопроцентная вероятность

Прежде всего, следует выяснить, о вероятности какого события пойдёт речь.

Ничего невероятного не было в том, что на доске объявлений областной больницы профком предложил врачам, желавшим совершить туристскую поездку в Венгрию и Чехословакию, немедленно подать заявление.

Ничего невероятного не было в том, что доктор Александр Вениаминович Зернов откликнулся на предложение профкома и немедленно, как и требовалось, подал заявление, хотя маловероятным казалось ему и его коллегам, что он попадёт в группу врачей-туристов. Вовсе не потому, что доктор Зернов был политически невыдержанным или морально неустойчивым. Как раз наоборот. Доктор Зернов был гордостью больницы. Отличный нейрохирург, грамотный врач, внимательный, сострадающий, совершенствующийся. Но, увы, он был евреем. И жена его, работавшая врачом в соседней больнице, тоже была еврейкой. А доктор Зернов не представлял себе туристской поездки без жены. Это, естественно, уменьшало вероятность того, что они попадут за границу.

Страны, правда, социалистические. В Союзе, правда, оставался заложник, маленький сын Зерновых. Но... Представьте себе, случилось маловероятное. Всюду, где надо, не возразили против включения супругов Зерновых в данную туристскую группу. Это несколько удивило коллективы двух больниц и даже дало основание наиболее оптимистичным евреям предположить, что начинаются новые веяния.

В тёплый июльский вечер Вита и Александр Зерновы погрузились в купейный вагон поезда Львов – Ужгород и вторично встретились со всей туристской группой. Первая встреча состоялась во время инструктажа, на котором им втолковали, что они представляют самую прогрессивную медицину самой великой державы, поэтому за границей им нельзя... Далее следовал длинный и внушительный перечень запретов. Многие врачи были знакомы друг с другом. Почти все знали явных стукачей и догадывались о вероятных тайных, так что о нарушении пунктов запрета не могло быть и речи. Всё это было злободневным и само собой разумеющимся.

Путешествие началось в приподнятом настроении, тем более что, как только поезд отошёл от перрона, врачи-туристы, в том числе и трезвенники, с удовольствием поужинали припасами, захваченными из дому. Настроения не испортил даже таможенный осмотр в Чопе. А во второй половине следующего дня в Будапеште они чувствовали себя уже вполне иностранцами.

Всё шло своим чередом. Дунай не очень отличался от Днепра. Правда, в самом городе его очень украшали мосты. Многие улицы Пешта нельзя было отличить от улиц Львова. Даже люди были как люди. А всё-таки за граница. Какой-то непонятный вирус, ещё не открытый микробиологами, витал в воздухе за границы. Одних туристов он делал высокомерными, других – подобострастными. И что интереснее всего, отметили супруги Зерновы, туристы из других стран, а их было немало в Будапеште, обладали стойким иммунитетом к этому вирусу.

Возможно, что появление в их гостинице туристов из Франции явилось побудительной причиной возникновения идеи, которую доктор Вита Зернова высказала мужу после завтрака.

- Сашенька, почему бы не послать открытку дяде Арману, что мы здесь, а в воскресенье будем в Праге?
- Зачем? – спросил доктор Зернов, прикидывая, сколько стукачей в их группе.
- А вдруг он сумеет приехать в Прагу?

Вита старалась подавить рвущиеся из глубины души эмоции, самой малой вершиной которых была эта фраза, содержащая мечту и надежду. Она произнесла её обычным тоном, скажем, таким же, как попросила бы достать из ящика туфли. Но в сердце мужа эта фраза отозвалась жгучей болью.

Александр Зернов был на одиннадцать лет старше жены. Мягкий и деликатный в обращении, беспредельно любивший жену, он к тому же считал, что несёт дополнительную ответственность перед Витой, связанную с её трагическим детством.

У Александра были родители, брат, сестра, родственники. Вита с двухлетнего возраста была абсолютно одинока. Только выйдя замуж, она приобрела родного человека.

Три года назад у них родился сын. А в прошлом году, через девятнадцать лет после окончания войны Виту разыскал родной брат её матери, живущий в Дижоне. Зерновы не имели представления, как он выглядит, потому что дядя Арман не прислал им фотографии. Да и они хороши – ни разу не догадались попросить.

– Витусь, – доктор Зернов подбирал слова, словно снимал первую повязку после операции, – письмо из Дижона мы обычно получаем на четырнадцатый-пятнадцатый день после отправления. Львов ненамного дальше от Дижона, чем Будапешт. Но допустим, что наша открытка придёт туда в два раза быстрее. Сегодня четверг. В Праге мы будем в воскресенье. Расписание наших поездок по Чехословакии ещё неизвестно даже руководителю группы. Может ли при таких условиях быть хоть ничтожнейшая вероятность встречи с дядей Арманом?

- И всё-таки давай пошлём открытку, – сказала Вита, с трудом подавляя слёзы.
- Пожалуйста. Мы можем отправить её прямо сейчас же. В вестибюле продают открытки.

Армана Леви в Дижоне называли старым зуавом. Он приехал во Францию учиться ещё до Первой мировой войны. Во Львове у него осталась любимая сестричка, моложе его на пятнадцать лет. Всю войну он провёл в кавалерийском полку. Собственно говоря, он не ходил в атаки с обнажённой саблей, хотя иногда в торжественных случаях она болталась у него на боку, и он был признанным мастером фехтования. Арман Леви был ветеринарным врачом. После войны он не вернулся в Польшу. Женится на француженке. Вообще-то её родители были евреями, но даже они уже не имели представления о том, что значит быть евреем.

В семье Армана Леви всё было добропорядочным, устойчивым и гармоничным. Даже стихийные бедствия, казалось, не властны над такой гармонией. Арман был счастлив, что его жена искренне полюбила маленькую красивую сестричку.

В последний раз сестра приехала в Дижон с мужем в июле 1939 года. Её округлившийся животик был предметом добродушных шуток Армана, смущавших скромного и застенчивого шурина. Несмотря на молодость, он уже слыл видным архитектором. И не только во Львове.

Франция не ощутила начала войны. Но Армана война больно ударила уже в первые минуты, когда он узнал, что боши вторглись в Польшу, что их авиация бомбит польские города с не меньшей жестокостью, чем бомбила Гернику.

Семнадцатого сентября Советы оккупировали восточную часть Польши. В тот вечер, он помнит, офицеры полка очень бурно обсуждали это событие. Именно тогда он впервые услышал термин „четвёртый раздел Польши”. Он возражал. Как и многие французские интеллигенты, он был розовым и симпатизировал Советскому Союзу. Сколько событий должно было произойти в этом печальном мире, чтобы он наконец-то смог правильно оценить истинное положение вещей! А тогда...

Стыдно вспомнить, как он спорил со своими однополчанами. Удар в подбрюшье, доставшийся ему в тот вечер, ещё больше укрепил его леворадикальные взгляды. Командир четвёртого эскадрона, офицер-аристократ, не принимавший участия в перепалке, вдруг отреагировал на его оправдание советского вторжения в Польшу: „Знаете, Арман, вы, евреи, с древних времён были хранителями и разносчиками вируса социализма. Все беды от вас”.

Это была первая вспышка антисемитизма в полку, с которой ему пришлось столкнуться. Но не последняя. Тогда она только укрепила его красно-розовые взгляды. А потом всё перепуталось. С командиром четвёртого эскадрона он удрал в Африку и примкнул к де Голлю. Винегрет здесь был таким же, как и в рядах вишистов. Во французском подполье процент евреев был необычно высоким. И тут же рядом с коммунистами сражались аристократы.

В Африке и потом во Франции у него не было никаких сведений о сестричке и её семье. Последнюю весточку он получил в конце ноября 1939 года. Через французское посольство в Москве он узнал, что у него есть племянница. Но даже имя её было ему неизвестно. Русские сблизилась с немцами. Французское посольство не жаловали. Возможно, поэтому на все его запросы отвечали: „Не можем получить сведений”.

Слухи об уничтожении евреев стали доходить до него ещё в 1943 году. Он отказывался поверить. Даже от бошей нельзя было ожидать подобного сатанинства. Уже во Франции страшная реальность дошла до его сознания. Только сын уцелел, да и то потому, что сражался в подполье. Жена и дочь погибли в немецком концентрационном лагере. А сестричка? А шурин? А племянница?

В конце 1944 года он отправил письмо во Львов, смутно представляя себе, каким путём оно туда попадёт. После войны несколько его писем вернулись со штампом „Адресат выбыл”.

Казалось, только неустанные поиски оправдывали смысл его существования. Немногочисленных друзей удивляло упорство старого зуава, продолжавшего розыски вопреки всякой логике.

Но чуть больше года назад он получил официальное уведомление Красного Креста с приложенной к нему копией очень подробного письма. Вечером, когда у него собрались друзья, он прочитал им это письмо, написанное настоятельницей католического монастыря, расположенного вблизи Перемышля. Мужчины, прошедшие две войны, не пытались скрыть слёз.

Сразу же после начала оккупации Львова, писала настоятельница, немцы и местные украинцы начали акции по уничтожению евреев. В колонне обречённых сестра Армана и её муж везли в коляске дочь Виту, которой через месяц должно было исполниться два года. Коляска заранее была приготовлена людьми, понимавшими, куда направляется колонна. Под матрасиком лежали конверт с метрикой девочки и драгоценности. Настоятельница не знает и не представляет себе, как можно было утаить коляску с ребёнком от конвоиров.

Биография Виты фактически начинается с того момента, когда сердобольная католичка принесла ребёнка в монастырь. Здесь девочка воспитывалась почти до совершеннолетия, ничего не зная о своём прошлом. Летом 1956 года у настоятельницы появились сведения о том, что во Львове живёт родственница отца Виты. Она посчитала своим долгом рассказать девушке, как та попала в монастырь. Самая юная красивая послушница была любимицей сестёр-монахинь. Но в эти кризисные дни, по приказу настоятельницы, ей отвечали только в случае, если она к кому-либо обращалась. А она замкнулась и не выходила из своей кельи.

Однажды, до утренней молитвы, Вита подошла к настоятельнице, став на колени, поцеловала её руку, затем поднялась, обняла и поцеловала её, отдала ей свой нательный крестик и произнесла обдуманную и выстраданную фразу: „Благодарю вас за всё. Но если Господь сохранил меня, я обязана остаться в вере моих погибших родителей”.

Сёстры сердечно простились с Витой. Они переписываются с ней. Вита стала врачом, вышла замуж за очень достойного, как говорят, человека. Сейчас она мать очаровательного ребёнка.

В официальном уведомлении и в письме настоятельницы был адрес Виты.

Вита! Так зовут племянницу! Его кровь! Продолжение любимой сестрички!

В тот же день он написал ей письмо. А на следующий день начал прилагать усилия, чтобы поехать во Львов. Нормальному французу трудно было понять, почему вообще нужны какие-то усилия для встречи с племянницей. Но бывший радикал уже кое-что понимал.

Прошёл год. В советском посольстве ему пообещали визу для поездки туристом в Москву и в Ленинград. Он надеялся на то, что Вита сможет приехать туда на свидание с ним, если его не пустят во Львов. Он уже догадывался, что не пустят. Ну и страна! Старый зуав жил надеждой на встречу. Он даже не представлял себе, как выглядит его племянница. Зерновы не догадались прислать фотографию, а он, старый кретин, ни разу не попросил об этом. Возможно, потому, что надеялся на скорую встречу.

И вдруг... Вероятно ли подобное? Сегодня в утренней почте открытка от Виты из Будапешта. Вместе с мужем она почти на Западе. Сегодня суббота. Завтра они будут в Праге. Боже мой! Из Дижона он мог бы проделать этот путь на своём автомобиле часов за десять. Он немедленно позвонил в Париж, в посольство Чехословацкой Республики. На том конце провода чиновник посольства, не прерывая, слушал эмоциональную речь Армана Леви, изо всех сил старавшегося говорить спокойно.

– Видите ли, господин Леви, виза в Чехословакию может быть оформлена в течение двух недель.

– Месье, о чём вы говорите? Какие две недели? Вы понимаете? Завтра, в воскресенье, они будут в Праге. Люди на несколько дней вырвались из-за „железного занавеса”. Вы понимаете? Моя племянница! Дочь моей убитой сестрички!

– Месье Леви, я всё понимаю, но... знаете что, дайте мне на всякий случай номер вашего телефона.

Старый зуав метался по дому. Дважды звонил телефон. Дважды он рванул к нему со скоростью, какой не было у него даже во время фехтования в юные годы. Оба раза звонили друзья. Обоим он ответил одной фразой: „Не занимайте телефон, потом объясню”.

Когда через три часа раздался телефонный звонок, оба друга сидели у него в салоне, наэлектризованные, вздрагивавшие при любом постороннем звуке.

– Месье Леви, – произнесла трубка знакомым голосом чиновника чешского посольства, – мне приятно сообщить вам, что удалось быстро преодолеть все барьеры. Надеюсь, вы успеете приехать в Орли сегодня к девяти часам вечера. Возле стойки нашей авиакомпании вас будет ждать чиновник посольства, который проштампует визу. Билет в Прагу вам заказан. Также гостиница, если она вам нужна. Счастливого пути и удачи.

– Месье, у меня нет слов... – у него действительно не было слов. Только всхлипывания рвались из горла, и по щекам потекли слёзы.

– Всё в порядке, месье Леви, мы ещё кое-что понимаем. Удачи вам.

У друзей тоже не было слов. Молча распили вторую бутылку вина.

На сборы не оставалось времени.

– Подарки?

– Купишь в Орли без пошлины.

– Но что купить?

– Неважно. Наполни чемодан. Они всему будут рады.

До самой Праги всё шло так гладко, словно разыгрывался сценарий, расписанный талантливым режиссёром. Виза. Билет. Чемодан, набитый подарками. Приличный сервис в самолёте чешской авиакомпании. Даже приём в пражской гостинице.

Но тут начался социализм. Выяснить, где находится группа врачей-туристов из Советского Союза, оказалось не менее сложно, чем узнать стратегический план чешской армии, составной части Варшавского договора.

Арман Леви свободно владел французским, русским, польским и немецким. На всех четырёх языках он объяснял, упрашивал, умолял. Но самое утешительное из всего услышанного было:

– Месье, сегодня воскресенье. Мы не можем раздобыть нужную вам информацию. Возможно, завтра.

– Но, возможно, завтра их уже не будет в Праге!

– Увы, мы бессильны.

Беспомощность, гнев, отчаяние захлестнули старого зуава. Он вышел на мост через Влтаву. С тоской смотрел на средневековые строения, на относительно немногочисленных прохожих, с одинаковым равнодушием относившихся к его горю. Полуденное солнце раскалило тротуары. В дополнение ко всему его стала мучить жажда. На углу он увидел кафе и зашёл выпить кружку пива. Он сел за столик и только сейчас почувствовал, как смертельно устал за эти сутки, наполненные надеждой, радостным ожиданием предстоящей встречи и отчаянием разочарования. Он допил первую кружку, даже не почувствовав вкуса пильзенского пива, и заказал вторую.

Группа врачей-туристов приехала на рассвете. Из-за путаницы с гостиницей они потеряли около двух часов.

После завтрака доктор Зернов позвонил чешскому коллеге, с которым познакомился на симпозиуме в Ленинграде. В плане поездки было посещение клиник. Но руководитель группы растерянно посмотрел на Зернова, когда тот обратился к нему с просьбой:

– Мы с женой хотели бы посетить клинику нейрохирургии, где нас ждёт профессор, шеф клиники.

Это воскресенье было свободным днём. Во время инструктажа руководителю сказали, что даже в такой день желательно держать группу в компактном состоянии, не давать баранам отбиваться от стада. Конечно, могут быть исключения. Ах, дурак, почему он не уточнил, что имелось в виду под исключением? Является ли исключением просьба доктора Зернова посетить нейрохирургическую клинику? Конечно, проще отказать. Но ведь Зернов уже созвонился с профессором. Тот ждёт в клинике. Если Зернов не придёт, возникнет неловкая ситуация. Может, отпустить его одного, а жену оставить в стаде? Чувствуя, как капли пота стекают по лбу и по спине, он сказал:

– Я думаю, Александр Вениаминович, что вам лучше пойти одному. Ведь ваша супруга – не нейрохирург.

– Очень жаль. Без жены я не пойду.

Руководитель посмотрел на Зернова. Он не пойдёт. Они за ручки держатся. Чёрт бы их побрал, этих жидов. Ситуация.

– Нет, вы меня не поняли. Я имел в виду, что вам проще пойти одному. Транспортные расходы и всё такое.

– Спасибо. Мне это не в тягость. Просто мы никуда не ходим друг без друга.

Они ушли, пожертвовав обедом. Жертва была существенной, если учесть количество крон в их кошельке.

В клинике Зерновых встретили радушно. Александр выпил с профессором немного коньяку. Штат дежурных врачей находился в операционной, где шла срочная операция по поводу черепно-мозговой травмы. Именно с операционной Зерновы начали обход клиники. Затем профессор и освободившиеся врачи пригласили их пообедать. Радужная атмосфера и выпитый коньяк, усиливший чувство голода, склоняли доктора Зернова принять приглашение. Молчание Виты можно было принять за согласие. Но... не следовало забывать о статусе советского туриста.

Зерновы поблагодарили, деликатно отказались и попрощались с гостеприимными хозяевами, пригласив их во Львов.

До гостиницы не более трёх километров. Зерновы решили пойти пешком. Солнце уже село, но было ещё светло. Улицы наполнились пешеходами. Сейчас их было намного больше, чем на пути Зерновых в клинику. На мосту через Влтаву они остановились полюбоваться готической симфонией дворцов, соборов и просто жилых зданий на обоих берегах спокойной реки. Но и здесь не следовало забывать, что они советские туристы, которым не рекомендуется отрываться от коллектива. Они ускорили шаг, намереваясь прийти

в гостиницу ещё до наступления сумерек. Свернув за угол, они увидели забавного старика, вывалившегося из кафе. Здорово он набрался!

Густые кустистые седые брови под тёмно-синим беретом. Мокрые свисающие усы, как у моржа. И глаза! Такая затаилась в них тоска, что, казалось, всего алкоголя мира не хватит, чтобы утопить в нем эту тоску.

Зерновы перестали улыбаться, увидев глаза старика. Но реакция их длилась не более мгновенья, потому что старик посмотрел в их сторону, и тут произошло нечто невероятное.

Безысходная тоска мгновенно сменилась таким счастливым сиянием, что старик вдруг превратился в молодого человека. И ни следа опьянения.

Всё произошло так быстро, что доктор Зернов с отличной реакцией нейрохирурга не успел отреагировать, когда старик бросился к Вите. Но в оборонительной реакции не было необходимости потому, что всё стало предельно ясным.

– Вита, Витусь, деточка моя, кровинушка! Боже мой, как ты похожа на мою сестричку! Две капли воды! – Старик говорил на отличном русском языке с лёгким иностранным акцентом.

Вита, всхлипывая, уткнулась в его грудь. Александр отвернулся, чтобы смахнуть слезу. Старик обратился к нему, не выпуская Виту из объятий:

– Ну, племянничек, дай-ка я тебя поцелую.

Они стояли у входа в кафе, ещё не в состоянии осознать происшедшего чуда. Первым опомнился дядя Арман:

– Послушайте, детки, мы должны отпраздновать нашу встречу. И не в шикарном ресторане, а именно в этом кафе. Я благословляю это партикулярное кафе. Почему именно я в него вошёл? Почему я предпочел его десяткам других, мимо которых проходил в отчаянии, что не могу вас найти? Почему я не выпил на одну кружку пильзенского меньше или на одну кружку больше? А? Я вас спрашиваю. Я умираю от радости, от жажды и от голода. Пошли отпразднуем нашу встречу.

Ещё до ужина руководитель группы стал прощупывать у себя пульс. Зачем он отпустил Зерновых? Конечно, во Львове остался ребёнок, и Прага, конечно, не Лондон, но зачем ему нужна эта тревога и ускоренное сердцебиение? Тревога стала уже невыносимой, когда Зерновы не пришли на ужин. Куда обратиться? На каком языке? В нейрохирургическую клинику? В полицию? В советское посольство? Ему пока не хотелось впутывать в это дело гида-переводчика. Зачем он отпустил Зерновых? Его беспокойство передалось всей группе, в которой не было евреев, кроме этой всегда воркующей пары. Даже во взаимных отношениях они должны отличаться от нормальных людей. Действительно, нетерпимая нация. Всё у них не как у людей.

Руководитель группы всё ещё размышлял, куда позвонить, когда к гостинице подъехал экскурсионный автобус. После ужина у них была запланирована прогулка по вечерней Праге.

Автобус привёз их к гостинице ровно в двадцать два часа. Часть туристов уже успела войти в вестибюль, когда оставшиеся перед входом стали свидетелями прелюбопытнейшей сцены.

Из-за поворота, примерно в одном квартале от гостиницы появились супруги Зерновы в сопровождении высокого усатого старика в берете. Они остановились на углу, обнялись и

расцеловались со стариком (особенно долго он, естественно, обнимал и целовал доктора Зернову, хотя тут же стоял её любящий муж, почему-то не выражавший никакого недовольства). Зерновы несколько раз оглянулись и помахали старику, а затем быстро направились к гостинице.

Руководитель группы посмотрел на часы. Двадцать два часа двенадцать минут.

Со стопроцентной вероятностью можно предположить, что это время было отмечено в отчётах всех стукачей в группе врачей-туристов, совершавших поездку по Венгрии и Чехословакии.

Ион ДЕГЕН.